

— После затяжных собраний или заседаний Учёного Совета в Апатитах, заканчивавшихся на час, а то и два позже конца рабочего дня, мы с Власковым обычно отправлялись пить водку к Мингалёвым, чтобы расслабиться, снять стресс и убить время до ночного поезда в Мурманск, отправлявшегося из Апатит около часа ночи. И в этот раз Витя тоже приглашал меня вместе с Власковым скоротать вечер у него, но мне не составило большого труда отличить этот жест вежливости от бывшего искреннего желания посидеть вместе за бутылкой.

— Я отказался, сославшись на необходимость дождаться Ляцкого с его партийного (ДПРовского) собрания, чтобы закончить с ним оформление планов к завтрашнему дню. Славу я дождался прямо у него на собрании в подвале, где не так давно ещё собирался ДОСП, тихо прекративший своё существование после того, как мурманское ОДД разошлось по партиям - СДП (Румянцева, Оболенского) и ДПР (Травкина, Каспарова).

— Слава инструктировал какую-то совсем зелёную молодёжь, почтительно ему внимавшую, как правильно проводить опросы общественного мнения. Освободившись, Слава повёл меня к себе домой, извинившись, что у него не очень уютно дома сейчас, поскольку... и тут он меня ошарашил новостью: у него сын очередной недавно родился - Генри. Ай, да Слава!

— Мы посидели у него на кухне, выпили коньячку, обсудили институтские проблемы, в партию свою меня Слава больше не заманивал. Главным образом просил разъяснить финансовую ситуацию в институте - куда деньги подевались, от Пивоварова, мол, ни хрена не добьёшься, и от Василькова, и от бухгалтерии тоже. До поезда я как раз и успел только ему растолковать, что наш бюджет институтский - как Тришкин кафтан после насильственной закупки МЕР и терещенковских антенных модулей, до сих пор эти дыры затыкаем.

— Но почему за счёт Апатит только? - задавал Слава традиционный апатитский вопрос, а я в сотый раз доказывал, что не только за счёт Апатит, а попеременно... Чуть на поезд не опоздал.

— *1 августа 1991 г., там же*

— В Мурманск по-прежнему довольно регулярно навещались НЛЮ. В сентябре в ПГИ пришёл телекс из Кируны от известного шведского геофизика Хулквиста. Они потеряли связь с исследовательским шаром-зондом, который унесло из Швеции за границу в сторону Кольского полуострова, и просили помочь его найти. Их особенно волновал какой-то новый дорогой прибор, установленный на этом зонде, им было бы страшно жаль, если бы он пропал.

— Я передал эту просьбу Лазутину, главному нашему специалисту по аэростатам и зондам (в Апатитах у ПГИ свой аэростатный полигон), он обещал связаться с ПВО, дело, мол, привычное, они найдут своими наземными локаторами или с самолётов, если уже не засеки.

— А на следующий день, в ясную солнечную погоду над Мурманском засияла яркая точка, очень медленно перемещавшаяся по небосклону. Меня опять начали одолевать телефонными звонками - куда наука смотрит?

— Я отвечал, что это шведский зонд, залетевший на нашу территорию, болтается в стратосфере на высоте километров в 20-30. Ейбог же наблюдал его в сильный бинокль и уверял, что отчётливо можно разглядеть каплевидную форму оранжевой оболочки и подвес под ней.

— На следующий день погода испортилась, и зонда не было видно, а от Лазутина я узнал, что вояки его сбили, оболочку вернули шведам, а приборный контейнер якобы не нашли.

— Очередное НЛЮ появилось в конце ноября, на тёмном, частично облачном небе

утром, когда народ шёл на работу. Я видел его, ожидая троллейбус на остановке, а Митя по дороге в школу: необычное свечение, быстро перемещавшееся по небу и пробивавшее даже облака, словно летательный аппарат с прожекторами заходит на посадку прямо где-то тут, но без звука.

— То была какая-то ступень ракеты, запущенной в Плесецке. Народ опять волновался и звонил, а я его успокаивал.

— 12 сентября 1991г., гостиница АН, Москва

— Перед Новым годом ПГИ распрощался с предыдущим своим директором - Олегом Михайловичем Распоповым, напроочь рассорившимся к этому времени с директором нынешним - Пивоваровым.

Пивоваров в своём кабинете

Распопов и Пивоваров в приёмной дирекции ПГИ

— Поначалу отношения между ними были вполне нормальными, никакой неприятной предыстории, как в случае Распопов-Ляцкий, не существовало, по желанию Распопова его

лаборатория вошла в отдел Пивоварова, куда он собирал отринутых другими отделами. — Пивоваров уверял меня, что Олег Михайлович со своими связями может быть и будет полезен институту. Чуть ли не дружескими на почве туризма-альпинизма были поначалу и взаимоотношения Пивоварова с Олегом Шумиловым, ближайшим распоповским сотрудником, тоже, кстати, с нашей кафедры физики Земли ЛГУ, я его со студенческих времён знаю (а Димуля Ивлиев (отец Ианнуарий) с ним зимовал то ли в Тикси, то ли на Хейса). Угрюмоватый товарищ и не шибко умный, но самоуверенный и грубый.

— Озлобление взаимное между Пивоваровым, с одной стороны, и Распоповым и Шумиловым, с другой, началось, похоже, и стало нарастать после поездки последних в Канаду на два месяца. Под давлением апатитян, Распопова и Шумилова не терпевших, Пивоваров потребовал от обоих Олегов выступления на семинаре с обоснованием необходимости поездки, на котором их изрядно потрепали, хотя в любом случае вряд ли бы поездку отменили: думать надо было раньше, когда составлялись и Пивоваровым утверждались планы заграникомандировок.

— Распопов с Шумиловым обиделись - что это, мол, за недоверие к нам такое, мы, мол, по приглашению канадцев едем, и какое ваше дело...

— По возвращению из Канады им снова пришлось выступать на семинаре, теперь уже с отчётом. И опять возник вопрос (я его задал, безо всякой задней мысли, кстати): а стоило ли ездить, дорогое ведь для института удовольствие-то? Каков, мол, научный результат и нельзя ли было его тут получить?

— И вот вместо того, чтобы спокойно и по существу на этот вопрос ответить, Распопов и Шумилов буквально впали в истерику: что это такое, в чём дело, почему к ним с такими вопросами пристают, это инсинуации дирекции, другие, мол, ездят и от них ничего не требуют, никаких отчётов на семинарах, а к ним специально придираются.

— Я возразил, что это неправда, что при мне все, кто ездил, Кустов, например, Успенский, все отчитывались, но Олеги никак не могли успокоиться.

— История имела то продолжение, что бухгалтерия отказалась оплачивать Шумилову провоз багажа (килограммов сорок, кажется, или даже больше) без представления оправдательных документов. Шумилов разъярённый прискакал ко мне:

— Почему всем всегда всё оплачивали, а от меня теперь документы какие-то требуют? Это всё козни дирекции! Нас травят!!!

— Ну, а что ты там для института в багаже вёз? Институт же не обязан провоз твоего личного барахла оплачивать, только твой проезд.

— Я одних оттисков только целую груду привёз!

— Сорок килограммов оттисков? - позволил я себе усомниться.

— Ты, что, мне не веришь? На каком основании?

— Ну, представь хоть перечень этих оттисков, я на нём визу поставлю для бухгалтерии, ей же надо какой-то оправдательный документ иметь - на что деньги потрачены.

— Но Шумилова это почему-то не устраивало, и он кричал, что, вот, другим всё оплачивают, а к ним специально прицепились, это Пивоваров с Намгаладзе их выжить хотят из института. Потом, правда, принёс какой-то список, я его подписал, не глядя, по просьбе, кстати, Славы Ляцкого не обострять отношений с Шумиловым ради спокойствия в институте.

— А у Распопова с Пивоваровым спираль нелюбви раскручивалась с нарастающей скоростью.

— Приехал в ПГИ Рёдерер, крупный американский геофизик и международный научный функционер. Так Распопов с Пивоваровым чуть не подрались по поводу: у кого Рёдереру ужинать - у Распопова дома (тот всё приготовил) или с Пивоваровым в ресторане (как было намечено в официальной программе мероприятия). Победил Пивоваров, нанеся тем самым Распопову смертельное оскорбление.

— Да ещё Пивоваров стал выпихивать Распопова с поста председателя советско-финской комиссии по сотрудничеству в области геофизики, который Распопов многолетне

занимал.

— В свою очередь Распопов, решив к этому времени переходить в ЛО ИЗМИРАН (где теперь директорствовал, кстати, его ученик Юра Копытенко, опять же с нашей кафедры, я с ним в Суйсари в экспедиции сидел), сляпал некую научную программу "Полярная шапка" и разослал по всем геофизическим конторам циркуляр, призывающий подавать предложения в эту программу, якобы чуть ли уже не утверждённую ГКНТ с научным руководителем Распоповым, головной организацией ЛО ИЗМИРАН и финансированием в 20 миллионов рублей.

— Всё это был чистой воды блеф. Миллионы были лишь желаемы, и ГКНТ всего лишь не возражал против разработки этой программы (как и любой другой) хоть Распоповым, хоть кем ещё, но распоповский циркуляр многие приняли за чистую монету, в том числе и сам Пивоваров, лихорадочно бросившийся дезавуировать эту инициативу по всем доступным ему каналам.

— Какого, мол, чёрта Распопов, сотрудник ПГИ пока ещё, выступает с программой, не согласованной с директором ПГИ, по научному направлению, в котором ПГИ, а не ЛО ИЗМИРАН является головным?!

— Наконец, уходя из ПГИ, Распопов вознамерился забрать с собой ксерокс, который он приволок несколько лет назад в ПГИ после международной конференции, для обслуживания которой этот ксерокс был приобретён иностранными участниками конференции, то ли финнами, то ли американцами.

— Распопов был председателем оргкомитета и на этом основании по окончании конференции захватил ксерокс себе, но не в личную собственность, что тогда вообще запрещалось в отношении множительно-копировальной техники, а в ПГИ, где, будучи директором, пользовался им как своим, но и другим иногда позволял.

— Уйдя с поста директора, Распопов утащил ксерокс к себе в кабинет, где к нему было не подобраться, ибо Распопов в институте стал бывать совсем редко, накручивая командировочные в Москве. Саша Боголюбов, наш Учёный секретарь, вырвал-таки ксерокс из распоповского кабинета после длительной осады, но под расписку с обязательством вернуть.

— И вот теперь Распопов, размахивая этой распиской, требовал, чтобы ему отдали ксерокс. На что получил решительный отказ и от Боголюбова, и от Пивоварова - знать ничего не знаем, ксерокс институтский и за пределы ПГИ не выйдет. Что, конечно, не прибавило любви Распопова к Пивоварову.

— **25 декабря** вечером Распопов устроил отвальную в институтской столовой, выставил коньяк, водку, немного закуски, пригласил человек тридцать. Пивоварова не было в это время в Мурманске, я представлял администрацию и говорил, в числе прочих, какие-то тёплые слова, вполне искренне причём.

— И в самом деле, как их было не сказать? Корпус-то этот шикарный кто построил? Никуда не денешься. А у кого в экспедиции я в геофизику вообще вступил в 1963-м году, и у кого дипломную работу Сашуля делала? У Распопова.

— Но, конечно, самыми сердечными были слова распоповской гвардии, процветавшей при нём в институте - братья Терещенки, Пятси, Горохов, Волошинов (специально пришёл! - хоть и большой начальник теперь, зампредоблсовета), Калитёнков, Шумилов, Лариса Афанасьева, вся хозслужба во главе с Ейбогом - для них Распопов был вне всяких сомнений лучше Пивоварова.

— Подвыпив, Распопов отвёл меня в сторонку и стал уверять в своей лично ко мне лояльности и даже тёплых чувствах, он, мол, всегда считал меня куда более достойным претендентом на директорское место, и другие якобы тоже так считают.

— Мы с Сашулей не стали задерживаться на этой вечеринке, а народ, говорят, хорошо там набрался. Тем эра Распопова в ПГИ и кончилась.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)